

КИРА МУРАТОВА. К РАДОСТИ

Юбилей — совсем не подходящее слово для Киры Муратовой. Ее кино чем дальше, тем все больше молодеет. По телевизору показывают исключительно ранние муратовские картины. А позднейшие там не увидишь. Потому что они еще свободнее, необыкновеннее самых первых. Так бывает у несравненных — неустанных — авангардистов.

Редакция «Искусства кино» и режиссеры поздравляют Киру Георгиевну с днем рождения.

Вадим Абдрашитов

Одно из сильнейших моих кинематографических впечатлений — «Долгие провода», давний закрытый просмотр на Одесской студии уже не принятой начальством картины Киры Муратовой.

Фильм ошеломил. Особой, мощной выразительностью кинематографического языка, переполненностью сложнейших эмоциональных потоков человеческого существования на экране. И какой-то предельной гуманистичностью, может, максимальной среди работ автора. И конечно, своей принципиальной особенностью, непохожестью ни на что.

Для меня это один из фундаментальных фильмов мирового кинематографа. Высший уровень кинорежиссуры, когда словами невозможно описать происходящее на экране и объяснить, почему до боли и радости так сильно на тебя это действует. Невозможно словами описать сцену знакомства героя-подростка с девочкой-красавицей на даче... Непонятно до сих пор, как играет свою героиню Зинаида Шарко... Нельзя объяснить, почему так мощно звучит гениальный финал картины.

Только в настоящем произведении так: все слова знаешь наизусть, сто раз их повторял, ничего нового для тебя не звучит, но все равно строки стихотворения действуют, волнуют! И в кино: видишь, понимаешь, как это сделано, написано, снято, сыграно, смонтировано, – и все равно комок в горле...

Все фильмы Муратовой были событиями нашего кино, культуры да и вообще нашей жизни. Это и есть явление Художника. Поблагодарим Киру Муратову, ожидая от нее новых откровений. ♦

Николай Досталь

Есть ранний Пикассо, есть ранняя Ахматова... и есть ранняя Муратова... суть в контексте. ♦

Андрей Звягинцев

«Долгие проводы», «Короткие встречи», «Астенический синдром»... Кира Муратова празднует свой юбилей, а я перебираю в памяти свои впечатления от фильмов, которые она создала, и сердце радуется, что в огромном мире, среди тысячи других имен есть такой не похожий ни на кого, удивительный, самобытный художник, как она. Кира Георгиевна, спасибо Вам за эту радость. ♦

Александр Зельдович

Хичкок где-то сказал, что режиссеру нельзя научиться делать как надо, можно лишь научиться не делать как не надо. И на это уходит жизнь.

Кино – искусство пошлое. Когда оно для «широкого зрителя», оно пошлое – само выражение «широкий зритель» пошлое и по-русски безграмотное. Когда оно «фестивальное», оно тоже по определению пошлое, слово «фестивальное» звучит непристойно. Так же, как и слово «артхаус».

За последние двадцать–тридцать лет наш лексикон обогатился этими дегенеративными дефинициями, и автор вынужден блуждать между ними, как в раскисшей глине между лужами.

Искусство Киры Муратовой агрессивно по отношению к этой слякоти. Она пытается как-то парить над ней, не запачкать обуви. У нее это каждый раз получается. Это уже художественный трюк и человеческое, житейское мастерство. Пролететь и не вляпаться.

При этом она способна наполнять это парение часто веским (в смысле – весомости) содержанием. За свою жизнь она сняла несколько шедевров – кому за жизнь удастся снять их несколько? Какие-то картины я смотреть не мог – мне не хватало удивления; а какие-то удивляют меня всю жизнь. Панорама по комнате из «Коротких встреч» под музыку Каравайчука – что может быть проще панорамы по комнате без людей? – обои, занавески, буфет. Она до сих пор производит на меня впечатление. Муратовой пришлось в голову – и получилось показать, – что за поверхностью обычных вещей прячется бездна: не

плохая, не хорошая, а просто бездна без качеств, над- и недочеловеческая. И все ее фильмы потом – об этом.

Последняя картина называется «Вечное возвращение». Я спросил Киру, имела ли она в виду Ницше или это случайное созвучие. Она удивленно ответила, что да, естественно, имела в виду «Вечное возвращение тождественного». Дурной круг повторений, который смалывает уникальность человеческого опыта и человеческого вообще.

Примечательно, что два классика большого советского (или антисоветского) кино сняли ницшеанские фильмы. Я имею в виду «Трудно быть богом» и «Вечное возвращение» (если честно, я «Жертвоприношение» записал бы сюда же). Русский XX век, пропущенный через послевоенные биографии, привел к тотальному разочарованию и художественной мизантропии, классической русской культуре, ранее чуждой. Для публичной мизантропии в России нужна большая смелость – интеллигентская традиция априорной любви к человечеству «вообще и в целом» труднопреодолима.

Кире мужества не занимать – у нее его хватит на страну и еще останется.

Лирические поэты часто умирают рано – с окончанием песни. Большие режиссеры, на наше счастье, прожившие долгие жизни, этой жизнью зарабатывают право на разочарование. Разочарование – не путать с унынием – это труднодостижимая духовная ступень, более трудная, чем надежда и вера. Но с него многое начинается. ♦

Виталий Манский

1985 год. Горбачев уже заступил, но конец еще не виден. Я на летней практике на Одесской киностудии. И чтобы с максимальной пользой провести бесполезное время, прошу о возможности посмотреть на экране «Долгие проводы». Так случилось, что не видел раньше. «Рублева» и «Жил певчий дрозд» – раз двадцать, а «Проводы» ни разу... Устраиваюсь поудобней, почему-то закрывшись изнутри. Загорается экран маленького зала, и кто-то царапается в дверь. Открываю. Маленькая женщина – тихим голосом: «Простите, можно я тоже посмотрю?» Фильм потрясает. Легкость, свобода, воздух и радикальная документальность. Да что это я. Просто великая картина! Поэтому, когда гаснет экран, сижу ошарашенный, не двигаюсь. Через паузу понимаю, что женщина тоже сидит молча. Сидит в первом ряду, то есть ко мне спиной. Длительность паузы не помню, но все так же спиной ко мне она говорит: «Спасибо. Очень хотела посмотреть, но никто уже очень давно не вызывал этот фильм на экран». Бросив мимолетный взгляд на меня, уходит. Это была Муратова...

1985 год. До конца уже близко, но мало кто об этом догадывается. Государство финансирует духоподъемное кино. Станислав Говорухин, истинное лицо Одесской киностудии, весь в белом, как мы теперь знаем, страдает от притеснения жидобандеровцев. А Киру Муратову – из жалости – держат редактором. Украинская ССР совсем скоро во всем мире будет ассоциироваться со словом «Чернобыль». А в столице СССР проходит Фестиваль молодежи и студентов... Проводы были недолгими. ♦

Анна Меликян

Бывают режиссеры очень талантливые, бывают спокойно талантливые, бывают и те, кому лучше не снимать кино и не загрязнять информационное пространство, а бывают такие редкие явления, которые и режиссерами не назовешь, им нужно придумать какое-то другое слово, потому что режиссеров много, а таких мало. Таких, кто умеет придумывать отдельный, несуществующий мир, в котором тебе все знакомо и в существование которого ты, не задумываясь, веришь. Мир с придурковатыми трагическими чудиками, повторяющими все по два раза, мир блаженных, печальных, ущербных, мудрых, диких и страстных людей. Мир Киры Муратовой. Я не знаю другого режиссера, чтобы вот так – произносишь фамилию, и сразу встает перед глазами образ совершенно особенного, единственного мира – мира только этого художника. Иногда бывает – видят явление или ситуацию и говорят: «Ну, это просто Хармс какой-то», еще говорят: «Ну, это Кафка просто». Так все чаще в последнее время, экономя слова, описывают сегодняшнюю ситуацию в стране. Одно слово – «Кафка» – все объясняет. А еще, бывает, говорят: «Ну, это просто Муратова». И не надо долго объяснять, что ты хотел сказать, – все понятно. Есть Образ. Есть Мир. Мир Киры Муратовой.

И она такая одна. Уникальная! ♦

Считать Киру Муратову авангардистом удобно и приятно, поскольку сегодня в отечественном кино практически нет авангарда. Но, боюсь, это – досадное недоразумение. К.М. не эстет, она безжалостный антрополог. Искусство как тема или тотем ее совершенно не занимает.

В этом смысле К.М. подхватила традицию Достоевского, но не как потрепанное в боях боевое знамя (на уровне деклараций и надувания духовных щек), а как высокую болезнь, как психотический дискурс.

В ее фильмах за любым порогом любого дома – бездна, как в романах Достоевского. Человеку в глаза, в принципе, лучше не смотреть, а если смотришь дольше трех секунд – голова начинает кружиться и муть подкатывает. Правда, у Ф.М. в этой бездне – иногда Бог, иногда черт, как повезет. У Киры Муратовой – только черт.

Еще одна ассоциация – Андрей Платонов. Автор, чья проза отлита из чистого советского золота. Тексты стратегического назначения – чтобы в космос летать. Муратова похожа на Платонова, потому что смотрит сквозь дымовую завесу любви и братства и прочих (слишком неловких) человеческих чувств, смотрит насквозь, навывлет, оставляя в сознании дымящуюся рану.

Муратова имеет неутолимый вкус к абсурду – это общий знаменатель ее поколения, заставшего сталинизм и его чудесное превращение в «тараканище». Но у К.М. абсурд опять же не эстетского свойства («играйте, ради всего святого, а то перебьете друг друга дубинами») – это абсурд линии Гоголь – Достоевский – Чехов. Ключом абсурда открывается не только великая путаница, живая душа индивида, им открывается коллективная Психея, матрица, душа общества.

Социальные типы очень естественно живут перед ее камерой – в начале пути, а потом – «комната смеха» и кунсткамера. Советское общество, как волшебный горшок из сказки Гофмана, – из него лезет несъедобная пластиковая каша, лезет и лезет абсурд, и нет ему конца и края. Для авторов упомянутой выше линии материал неисчерпаемый.

Без Бога и любовь легко превращается в постыдное недоразумение. По этой тропинке Муратова идет значительно дальше Чехова, минуя «слишком человеческий», сентиментальный пессимизм. У Чехова – стоя на краю экзистенциальной пропасти, герои говорят параллельно, неразборчиво, но все-таки больше смотрят друг другу в глаза, чем в пропасть. Для К.М. это неловкая позиция – режиссер прыгает в эту пропасть, как будто там, внизу, нежное южное море, а не геенна огненная. Летит вниз ласточкой и на лету не без иронии комментирует – и то, что цепляет глаз, и свои непривычные ощущения.

Рената Литвинова – это три в одном: литературный персонаж, который ходит среди обычных людей, как Нос у Гоголя, – то есть насквозь и по касательной; но ведь и социальный тип тоже – прима-актриса погорелого театра; но и автор (аватар автора), у которого теплый, размятый во сне материал, так сказать, под рукой, под одеждой. Как они питаются друг другом? Почему они ненасытные, как будто вечные?

Любому режиссеру (на завтрак, обед и ужин) нужен актер, играющий роль анимуса или анимы – уж как кому повезет. Муратова после Высоцкого искала только аниму – женскую сторону своей души, – мужчины навсегда превратились в смешной объект нелепого, пошлого мира.

Прохладная реакция завзятых пошляков (широкой аудитории) на черный юмор Муратовой тоже понятна. У нас любят невинный гротеск без inferнальных отблесков на лицах героев (Гайдай, Рязанов). Для (пост)советской аудитории Муратова слишком «антигуманна», ее оптика не способствует бегству от реальности в уютный мир комедии, где члены большой семьи дружно хохочут, а потом переключаются на «Комеди Клуб». Через волшебное зеркало К.М. попадаешь прямоком в преисподнюю или на пустынный берег моря, где прибой меланхолично играет обломками кораблекрушения, садится прекрасное вечное солнце, варвары, не обращая на него внимания, ковыряются в грудах влажного мусора. ♦

АЛЕКСЕЙ ПОПОГРЕВСКИЙ

Для меня Кира Георгиевна Муратова – это целая вселенная, местами страшная, местами чрезвычайно трогательная, такая же как наша жизнь, только совершенно другая. Когда смотришь фильмы Муратовой, первые секунды кажется: не может быть, это не наш мир, не наша планета, не люди, а какие-то пришельцы, но через считанные минуты, если не секунды, этот мир тебя затягивает и ты понимаешь, что жизнь устроена именно так – и именно так люди говорят, смотрят, ходят. Я в этом убедился, когда на каком-то фестивале в немецком городке оказался с ней рядом, буквально через какую-то перегородку. Я кого-то ждал, а Кира Георгиевна разговаривала с каким-то критиком, и по тому, как она говорила, по мелодике ее речи я провалился во вселенную ее фильмов. Тогда же я понял, что, несмотря на их кажущуюся сюрреалистичность, они совершенно реалистичны. Это был тот самый мир, который ее окружает и который она создает.

Для меня один из главных фильмов о любви – и не только родительской – это «Долгие провода». Фильм, который трогает меня до глубины души. При этом я не могу и даже не пытаюсь трактовать героев, я просто им верю, и они меня захватывают. «Астенический синдром», «Настройщик»... Каждая из этих картин настолько пропитана своим автором, что, где там заканчивается кино, а где начинается реальность под названием Муратова, никогда не поймешь.

Я счастлив, что знаком с фильмами Муратовой, и знаком с ними с довольно юных лет. Для меня это один из главных режиссеров...

И какое огромное счастье, что Кира Георгиевна здорова и продолжает снимать. Дай бог, чтобы хотя бы половина такой творческой и жизненной силы была у кого-то из нашего поколения. В это верится с трудом, но зато есть к чему стремиться. Мы Вас очень любим и ценим, говорю и за себя, и за многих людей, кого я знаю. ♦

СВЕТЛАНА ПРОСКУРИНА

Осень. Вечер. Город, где я живу, называется Ленинград, и люди еще имеют привычку и охоту ходить в кино.

На экране блондинка: не очень молодая, с тягучим голосом, суетливая, ни на кого не похожая, несообразная какая-то, при этом лично мне не чужая. После ее финальных метаний и бесконечных возвращений нечем дышать. Что это было? Актриса? Разве кино может быть таким?

Так я узнала Киру Муратову и ее «Долгие проводы», превратившиеся в «короткие встречи», потому что я стала жадно ждать всякую новую ее картину, ловила любую подробность о ней... И каждая картина оставалась со мной полнотой отдельности или какой-нибудь незабываемой подробностью, которая оживала внутри, когда захочет: как, например, пустое место от апельсина, взятого на прощание Надей – Руслановой. Эту «нетость» ничем невозможно заполнить.

Кира. Кира Георгиевна не сделала ни одной проходной, невнятной, не своей картины. Интонации ее героев узнаешь – даже спиной к экрану. Любой кадр – самобытен, своеобразен и неизъясним.

Такая воля быть, такое уважение к «белому свету» во всем, что она делает.

Еще лично для меня важно и поучительно, как эта хрупкая, очень собранная и закрытая женщина умеет держать удар и демонстрировать особенную выдержку.

Однажды в Одессе я шла по улице и увидела на другой стороне Муратову – вместо пальто на ней был стеганный азиатский халат. Присутствие беды считывалось сразу – по тому, как она шла, по каменному отчаянию лица... но сколько в этой женщине было силы, какой-то чистой бедности и художественной безусловности.

Спасибо Вам, Кира Георгиевна, за урок достойного проживания своей участи, спасибо за щедрость дара, за последовательность и верность себе.

Спасибо, что Вы нам показали: это возможно. Спасибо, что я могу так любить мало знакомого мне человека. ♦

Али ХАМРАЕВ

С кем только я не снимался!.. А вот с Кирой Муратовой у меня нет ни одной фотографии... Часто видел ее во ВГИКе вместе с белобрысым Сашей Муратовым, оба были ладные, симпатичные, вели себя скромно. Сначала думал, они брат и сестра, потом узнал, что живут вместе и Кира носит фамилию мужа. В коридорах института шептались, что сама она из Румынии. Ну и что?.. Мой однокурсник искрометный Эмиль Лотяну был из Молдавии, а на самом деле он – румын. Для меня всегда эти национальные дела, как говорится, были до лампочки. Папа мой таджик, мама украинка, по паспорту я узбек, лучшие друзья в ташкентском переулке детства – это татары, евреи, армяне, русские. В те времена мы почему-то спокойно относились к болгарам и румынам,

завидовали только полякам с операторского Ежи Гостика и Бруно Барановскому, их стильным брюкам в трубочку, виртуозному танцу твист и ярким майкам с английскими буквами.

Кира мне понравилась сразу: какая-то тайна в глазах, нежное лицо, мягкий голос. Она училась у самих Сергея Герасимова и Тамары Макаровой и поэтому мне казалась очень серьезной и непростой. А когда удалось в середине 60-х на каком-то подпольном просмотре увидеть «Короткие встречи», я был потрясен: Кира, оказывается, обладает невиданным талантом и магнетизмом. Я слышал про сложности со сдачей этого фильма, узнал, что напечатали только пять копий для проката в огромной стране. Нам с Одельшой Агишевым в те годы тоже пришлось выдержать тяжелую борьбу за наших «Белых, белых аистов», и я с особым вниманием начал следить за судьбой Киры Муратовой – режиссера, пришедшего в далеко не женскую, тяжелую профессию.

Мы виделись с Кирой на различных конференциях, семинарах, пленумах кинематографистов, она работала в Одессе, я – в Ташкенте. В начале 70-х что-то не заладилось на «Узбекфильме» у режиссера Эдуарда Хачатурова с фильмом по очень своеобразному сценарию-притче Тимура Зульфикарова. История о детстве поэта Востока была написана примерно так: «На глиняных, глиняных, очень глиняных крышах лежали белые, белые, белые снега...» Дирекция студии не поверила молодому режиссеру и попросила меня взяться за эту сложную постановку. Поэтика сценария требовала оригинального изобразительного решения. Художник у меня для этого имелся в лице талантливого Эммонуэля Калантарова, а оператора надо было искать. Звоню в Москву Рустаму Хамдамову:

– Рустамчик, мне нужен оператор-гений!.. Помогите, друг...

– Говорят, в Одессе появился такой... По фамилии Клименко... Позвони Кире Муратовой...

Навсегда я запомнил телефонный разговор с «Куряжом», общагой при Одесской киностудии:

– Кира, здравствуй!.. Это Алик Хамраев из Ташкента!..

– Здравствуй, Алик Хамраев из Ташкента!.. Слушаю тебя...

– Мне нужен гениальный оператор!.. Рустам Хамдамов сказал, что ты знаешь Юру Клименко...

– Да, я знаю Клименко, он очень способный мальчик...

– Дай мне его телефон, пожалуйста!..

– Не дам, Алик... У Клименко ужасный характер, упрямый до жути...

– Меня это не пугает, Кира!..

– И он еще часто болеет...

– И это не страшно, буду лечить его!.. Выручай, Кирочка!..

– Сейчас я его позову к телефону...

Так я на десятки лет приобрел замечательного друга и великолепно-го оператора Юрия Викторовича Клименко. Через несколько лет,

когда я совсем запутался в бесконечных поправках руководства по фильму «Триптих», когда из-за отсутствия в нем оптимизма пришлось при помощи начального титра действие переносить из 1976 года в 1966-й, потом в 1956-й и наконец в 1946-й, я в панике сначала пригласил из Одессы монтажера Муратовой виртуозную и душевную Валентину Олейник, а затем умолил прилететь в Ташкент и саму Киру...

Какие это были удивительные дни и ночи в монтажных комнатах на втором этаже!.. Во время обеденного перерыва мы ели плов недалеко от «Узбекфильма». За мостом находились чайхана и магазинчик с вином, мы любовно называли это место «Мостфильм», здесь киношники избавлялись от стресса. А вечером нам в монтажную приносили шашлык, самсу, лепешки, фрукты, зеленый чай, ночью мы с Клименко валялись на матрасах, брошенных на пол, а девчонки во главе с неутомимой Кирой крутили, резали, кромсали километры целлулоида, среди ночи будили нас, показывали сложенную сцену, мы спорили, Кира злилась, потом хохотала, пила кофе и снова садилась за монтажный стол. А мы с Юрой Клименко валялись на матрасы, потому что утром предстояло доснимать кадры, в которых будут звучать удивительные монологи и письма, сочиненные Кирой Муратовой. Один отрывок до сих пор у меня в ушах...

«О женщина Востока, как часто мы были к тебе несправедливы... Ты давно открыла лицо, но сними чадру с сердца, говорим мы тебе. Подойди сюда, разговаривай с нами на равных, я твой друг, а не господин твой. И ты не раба... Сними покрывало с души, вот твои глаза, вот твоя улыбка – все это прекрасно!.. Разве не видишь ты, что мужчины сели за стол?.. Мужчины голодны, пойд и приготовь еду. Пойди сюда, предлагаем мы, насытившись... Да ты не бойся, без страха садись рядом, поговорим с тобой как два равных человека. О, мы мечтатели, мы хотели бы видеть тебя нежной и таинственной, окутанной прозрачными шелками, и одновременно нам хочется, чтобы ты была товарищем в наших играх... И поэтому подойди без страха, ты так невинна, какое сонное выражение, какой покой!.. Неужели все это только защитная маска, созданная вековым рабством?..»

Когда мы с Кирой завершили монтаж «Триптиха», снова был плов в чайхане, а потом в комнате группы администратор подошел к гостье из Одессы с бумажкой и деньгами:

– Кира Георгиевна, пожалуйста, получите и вот здесь распишитесь...

– Это что такое?.. Деньги?.. Уберите немедленно!..

– Кира, ты их заработала... – говорю я сквозь зубы, но твердо.

– Не возьму!.. – голос у нее сорвался. – Ты меня кормил пловом, возил по горам, показал Самарканд!.. Я помочь к тебе приехала, а не деньги зарабатывать!..

Я взял из рук администратора деньги, подошел к урне и сказал:

– Не возьмешь?.. Тогда я их порву и выброшу в мусор!..

– Ты с ума сошел!..

Кира выхватила у меня пачку, и потом мы в гостинице пили шампанское...

А мы действительно в тот раз успели съездить в горы. Никогда не забуду, как Кира долго и молча смотрела на горы, на облака, слушала ветер, шумевший в высоких орешнях. Здесь плов я приготовил сам, хвастался, что мой плов ели Антониони и Бондарчук, Чухрай и Тарковский. Потом рассказывал разные байки, Кира заливалась смехом, заглушая горный ручей, мы говорили о жизни, вспоминали книги, говорили обо всем, только не о кино. Им мы были сыты по горло... Потом Кира фотографировалась с белым осликом, ласково обняв его за шею. Она тихо сказала ему:

– Я тебя очень люблю...

Кира думала, что никто ее не слышит.

В 1980 году мы с Юрой Клименко и Кирой Муратовой победили с нашим «Триптихом» на кинофестивале в итальянском городе с поэтичным названием Сан-Ремо. Я с фильмом оказался там благодаря великому Сергею Герасимову. Он специально прилетел в Ташкент во главе комиссии в составе Тамары Макаровой, Станислава Росточко, Григория Марьямова. Они посмотрели запрещенный фильм, Сергей Аполинариевич надел пиджак с тремя Сталинскими премиями, с одной Ленинской, со звездой Героя Социалистического Труда, поехал в ЦК компартии Узбекистана и сказал руководству: «В мире сегодня 120 международных кинофестивалей, и нам нечего посылать. Мы с Хамраевым подумаем, как доснять оптимистический финал...» Вот какой учитель был у Киры Муратовой!..

Говорят и пишут, что у Киры был юбилей, что ей много лет, что она не хочет больше снимать кино. Я не верю этому, и вы, прошу вас всех, не верьте. Кира еще будет снимать, она моложе многих молодых. Только вот чуть отдохнет. И главное: если надо будет мой фильм или меня защитить от злых и трусливых начальников, кто поставит свою подпись рядом с подписью Сергея Параджанова, Андрея Тарковского, Алеши Германа, Ролана Быкова, Евгения Григорьева?..

Женя Голубенко, преданный спутник Киры, много лет назад подарил мне свою картину, где по небу летят юные создания. Там я вижу и Киру Муратову, и самого Женю, и многих моих друзей... Разве в КИНО можно не быть молодым и сильным?..

У меня есть фотографии, на которых я снят с Курасовой и с Феллини, с Параджановым и с Тарковским... А вот с Кирой у меня нет ни одной фотографии. Придется поехать в Одессу и приготовить плов... ♦

НИКОЛАЙ ХОМЕРИКИ

Кира Муратова – один из самых важных режиссеров из ныне живущих. По крайней мере, на всем постсоветском пространстве. Ну вот как сказать, чтобы не пафосно было? Очень мало кто может похвастаться изобретением киноязыка. Оригинальной свежести конструкции ее кадра может позавидовать любой режиссер, в том числе молодого поколения. Муратова – из тех авторов, которые доказывают, что молодость не имеет отношения к возрасту. ♦